

Вступление

Отдаленная от нас глубинами времени и неведомых измерений, спит древняя страна Невон, спят ее башни, черепа и драгоценные камни, спят ее мечи и чары. Изведанные территории Невона сгрудились вокруг Внутреннего моря: на севере — это девственные леса Земли Восьми Городов, на востоке — степь, где кочуют всадники-минголы, и пустыня, по которой медленно идут караваны из восточных земель и с реки Тилт. На юге же, соединенные с пустыней лишь Зыбучими Землями и защищенные Большой Дамбой и Голодными горами, лежат тучные нивы и обнесенные высокими стенами города страны Ланкмар, самой старой и наиболее важной части Невона. А в укромном уголке между нивами, Великой Соленой Топью и Внутренним морем, прилепившись к илистому устью реки Хлал, возвышаются толстые стены, скрывающие лабиринты улиц и переулков самого Ланкмара — столицы всей области, кишашей ворами и бритоголовыми жрецами, изможденными магами и дородными купцами — Ланкмара Непобедимого, Города Черной Тоги.

Если верить рунам Шильбы Безглазоликого, однажды ненастной ночью в Ланкмаре сошлись пути двух подозрительных типов, двух затейников-лиходеев — Фаф-

хрда и Серого Мышелова. О месте рождения Фафхрда было нетрудно догадаться по его почти семифутовому росту, гибкому поджарому телу, а также по украшениям из кованого металла и громадному мечу — он явно был варваром из Стылых Пустошей, лежащих к северу от Восьми Городов и гор Пляшущих Троллей. О предках же Мышелова вряд ли можно было сказать что-то определенное, глядя на его почти детскую фигуру, серую одежду, клобук из мышиных шкурок, надвинутый на плоское смуглое лицо, и обманчиво изящную шпагу, однако что-то при взгляде на него наводило на мысль о южных городах, темных улицах и вместе с тем о залитых солнцем просторах. Некоторое время молодые люди с вызовом рассматривали друг друга сквозь черный туман, едва подсвеченный далекими факелами, и вскоре смутно почувствовали, что они — долго искавшие друг друга половинки великого героя и что каждый нашел себе друга, с которым пройдет через тысячи приключений и проживет рука об руку всю жизнь, а может, и множество жизней.

Никому тогда и в голову бы не пришло, что совсем недавно Серого Мышелова звали Мышонком, а Фафхрд учился петь фальцетом, носил только белые меха и, несмотря на полные восемнадцать лет, все еще спал в одном шатре с матерью.

Снежные женщины

В самый разгар зимы женщины Снежного клана опять развязали холодную войну против своих мужчин. Похожие в своих белых мехах на привидения, бродили они, почти неразличимые на фоне свежевыпавшего снега, сбивались в кучки, молчали или в крайнем случае шипели, как разъяренные призраки. Однако к Залу Богов, колоннами которому служили стволы деревьев, стенами — привязанные между ними звериные шкуры, а потолком — сосновые лапы, они приближаться избегали.

Собирались женщины в большом овальном шатре и там без устали читали нараспев заговоры, грозно выли или молча колдовали, чтобы привязать своих мужей к Мерзлому Стану, заледенить им чресла и наградить жестоким насморком с надсадным кашлем и зимней трясучкой в перспективе. Любой мужчина, по неосторожности вышедший среди бела дня погулять, рисковал быть обстрелянным снежками, а в случае поимки даже получить взбучку — будь он даже скальд или могучий охотник.

А попасть под обстрел женщин Снежного клана было испытанием далеко не шуточным. Швыряли они снежки из-за головы, неумело — это верно, но зато их мускулы были тверды как сталь благодаря постоянной

колке дров, обрубке сучьев и мятью кож, даже таких жестких, как кожа снежного бегемота. Кроме того, они иногда предварительно обливали снежки водой и замораживали.

Жилистые, задубевшие от холодов мужчины сносили все это необычайно достойно, вышагивали, словно короли, разряженные в издалека заметные черные, коричневатые или окрашенные во все цвета радуги парадные шубы, пили мертвецки, но зато втихомолку и не хуже илтхмарцев торговали янтарем, серой амброй, видимыми лишь ночью снежными алмазами, блестящими мехами и снежными травами, получая взамен ткани, пряности, вороненое железо, мед, восковые свечи, порох для фейерверков, с ревом сгоравший разноцветным огнем, и другие прелести цивилизованного юга. И все же мужчины старались держаться группками, поскольку многие уже шмыгали носами.

Нет, против торговли женщины не возражали. Их мужчины торговали вполне успешно, и они, то есть женщины, были тут главной заинтересованной стороной. Женщины предпочитали этот род деятельности пиратским набегам, в которые пускались время от времени их здоровяки, удаляясь вдоль восточного побережья Крайнего моря за пределы их женской досягаемости и даже, как порою опасались достойные жены, вырываясь из-под действия их могучего колдовства. Мерзлый Стан был самой южной точкой, до которой когда-либо добирался Снежный клан, проводивший большую часть жизни на Стылых Пустошах, в отрогах Великаньего плоскогорья и расположенный еще севернее гряды Бренных Останков, и таким образом это зимнее становище давало единственную возможность в году поторговать с предприимчивыми минголами, сархеенмарцами, ланк-

марцами, а порой и с каким-нибудь замотанным одеж- дами по самые глаза жителем восточной пустыни в гро- мадном тюрбане и чудовищных размеров перчатках и сапогах.

Не возражали женщины и против бражничанья. Их мужья всегда были не дураки хлебнуть медку, эля и даже местного самогона из снежной картошки, гораздо более крепкого, чем все вина и прочие напитки, которые могли предложить им торговцы.

Нет, Снежные женщины ярились и ежегодно зате- вали холодную войну, безо всякого удержу применяя физическое и магическое насилие, из-за театрального представления, отважные участники которого с потре- скавшимися лицами и заледеневшими конечностями, дрожащие от холода, но с сердцами, учащенно бивши- мися в предвкушении легкого северного золота и за- водной до неистовства публики, всегда приезжали на север вместе с торговцами. Для этого кощунственного и непотребного спектакля мужчины предоставляли Зал Богов (последних, впрочем, это ничуть не смущало) и не пускали на него женщин и подростков; занятые в представлении лицедеи, по мнению женщин, были или грязные старикашки, или еще более грязные, тощие дев- ки с юга, распущенные, как шнуровки их скудных оде- яний, когда таковые вообще присутствовали. Снежным женщинам не приходило в голову, что грязная, голая, тощая девка, вся лиловая от гулявших в Зале Богов ле- дяных сквозняков, вряд ли может стать предметом во- жделения, не говоря уж о том, что артистки постоянно рисковали отморозить себе что-нибудь.

Поэтому ежегодно в самый разгар зимы Снежные женщины затевали войну с избегающими их величе- ственными мужчинами, прибегая к наговорам, кол-

довству, слежке и снайперским обстрелам снежками, а нередко даже брали в плен какого-нибудь немогущего калеку или неосмотрительного подвыпившего мужа и делали ему хорошую выволочку.

Эта борьба, на первый взгляд комичная, имела и зловещую сторону. Собравшись вместе, Снежные женщины приобретали могучую магическую силу, особенно во всем, что было связано с морозом и его проявлениями: гололедицей, внезапными обморожениями, прилипанием кожи к металлу, повышенной хрупкостью разных предметов, угрожающе большими массами снега на ветвях и деревьях, а также чудовищными снежными лавинами. И не было в клане мужчины, который совсем не боялся бы гипнотической силы их голубых, как ледышки, глаз.

Каждая Снежная женщина, обычно с помощью товаров, старалась держать своего мужа в узде, внешне предоставляя ему полную свободу; ходили слухи, что иногда непокорных мужей настигало увечье или даже смерть обычно по какой-либо причине, непременно связанной с холодом. В то же время ведьмовские группировки и колдуньи-одиночки вели между собой жестокую борьбу за власть, в которой самые закаленные и отважные мужчины, даже вожди и жрецы, были всего лишь пешками.

В течение двух торговых недель, а также двух дней, когда давались представления, женский шатер со всех сторон охраняли старые карги и рослые, сильные девушки, а изнутри просачивалось то благоухание, то мерзкая вонь, по ночам в шатре то вспыхивал яркий свет, то было видно лишь прерывистое мерцание и беспрестанно слышалось полязгивание, позвякивание, потрескивание, похрустывание, сопровождавшееся бесконечными заклинаниями и бормотаниями.

В то утро можно было подумать, что Снежные женщины заколдовали все вокруг: погода стояла пасмурная и безветренная, клочья тумана парили во влажном холодном воздухе, постепенно покрывая льдом все, что попадалось им на пути, — кусты и деревья, сучья и ветви и в первую очередь кончики чего угодно — от мужских усов до ушей прирученных рысей. Сосульки были голубые и сверкающие, как глаза Снежных женщин, а человек с воображением мог заметить, что и формой своей они напоминали высоких, одетых в белые шубы с капюшонами колдуний, поскольку тянулись вверх, словно языки алмазного пламени.

Этим утром Снежные женщины захватили, вернее, чуть было не захватили добычу, о какой можно было только мечтать. Дело в том, что одна из участниц представления то ли по неведению, то ли в порыве безрассудной отваги, а может, прельстившись мягким искрящимся воздухом, покинула безопасный актерский шатер, прошла по хрустящему снежку мимо Зала Богов к пропасти и оттуда, между двумя купами гигантских вечнозеленых деревьев, покрытых снеговыми шапками, двинулась к естественному каменному мосту, от которого некогда начиналась старая дорога на Гнамф-Нар, пока более полувека назад не обрушилась средняя его часть длиною в пять человеческих ростов.

Немного не дойдя до загибающегося вверх края опасного обрыва, она остановилась и долго смотрела на юг сквозь клочья тумана, который вдали выглядел более плотным и походил на шерстяные очески. Далеко внизу заснеженные верхушки сосен на дне каньона Пляшущих Троллей казались совсем крошечными, словно шатры ледовых гномов. Взгляд девушки неспешно скользнул по каньону, от его устья на востоке, мимо самого узкого

места у нее под ногами и дальше, туда, где он, расширяясь, поворачивал на юг и скрывался из виду за остатками бывшего каменного моста на противоположной стороне. Затем она окинула внимательным взглядом новую дорогу — та начиналась прямо за актерскими шатрами, сильно петляя, в отличие от гораздо более прямой и короткой старой дороги спускалась в каньон и пропадала среди тянувшихся к югу зарослей сосен.

По тоске, сквозившей во взоре девушки, можно было бы подумать, что это глупенькая, скучающая по дому субретка, которая уже сама не рада, что согласилась поехать в это турне, от которого кровь стынет в жилах, и мечтает теперь лишь о жарком, кишасщем блохами актерском пристанище где-нибудь поужнее земли Восьми Городов и Внутреннего моря — если бы не спокойная уверенность ее движений, гордый разворот плеч да не опасное место, выбранное ею для созерцания пейзажа. А место это было опасным, и не только в прямом смысле, но и своею близостью женскому шатру, да и вообще на него было наложено табу: когда в свое время часть моста обрушилась, здесь нашли свою смерть вождь племени с детьми, а лет сорок назад временный и уже деревянный мост провалился под тяжестью повозки торговца спиртным. Спиртное он вез крепчайшее — потеря достаточно серьезная, чтобы объяснить строгость наложенного табу, которое включало запрет отстраивать мост заново.

И словно всех этих трагедий оказалось недостаточно, чтобы умиловить ненасытных богов и сделать табу абсолютным, всего два года назад искуснейший лыжник, каких в Снежном клане не рождалось уже много лет, некий Скиф, разгоряченный изрядным количеством выпитой снеговухи и ослепленный гордыней, решил попро-

бовать перепрыгнуть каньон со стороны Мерзлого Стана. Разогнавшись до невероятной скорости и изо всех сил оттолкнувшись палками, он взмыл в воздух, словно ястреб, однако не долетел до противоположного заснеженного склона буквально на локоть, врезался носками лыж в скалу и канул в каменистые пучины каньона.

Погруженная в мечты актриса была одета в длинную шубу из рыжих лис и подпоясана легкой позолоченной бронзовой цепочкой. Ее зачесанные кверху прекрасные каштановые волосы успели уже покрыться изморозью.

Судя по тому, что девушка выглядела стройной даже в шубе, телом она была тоща или, во всяком случае, достаточно худа и мускулиста, чтобы соответствовать представлениям Снежных женщин об актрисах, но зато росту в ней было около шести футов, а поскольку таких высоких актрис не бывает, это обстоятельство было еще одним оскорблением в адрес рослых Снежных женщин, которые молчаливой белой шеренгой приближались к девушке сзади.

Но тут под чьей-то неосторожной ногой скрипнул промерзший снег.

Актриса обернулась и не раздумывая побежала туда, откуда пришла. Вначале наст начал ломаться у нее под ногами, и она замешкалась, но потом быстро сообразила, что по нему нужно не бежать, а скользить.

Девушка высоко подобрала полы своей рыжей шубы. Под нею оказались высокие меховые сапожки и ярко-алые чулки.

Снежные женщины понеслись за нею, на ходу обстреливая актрису своими твердыми как камень снежками.

Один из них угодил девушке в плечо, и она обернулась. Это была ошибка.